

УДК 94(47).065

ОТКАЗ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ОТ СБЛИЖЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ В 1741-1742 гг.

© 2017 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории РАН, г. Москва

Статья поступила в редакцию 07.04.2017

Статья посвящена становлению внешней политики императрицы Елизаветы Петровны и хронологически охватывает первые полгода ее правления. В это время императрица вернулась в русло внешней политики России прежних царствований, отказавшись от своей идеи сближения с Францией. Определяющей причиной такого поворота была позиция русских сановников и прежде всего дипломатов.

Ключевые слова: российская дипломатия, Елизавета Петровна, А.П. Бестужев-Рюмин, русско-французские отношения.

О первых годах правления Елизаветы Петровны написано много работ, достаточное количество посвящено и внешней политике императрицы в начале ее правления¹. Ход исторических событий хорошо известен – от ведущей роли при русском дворе в конце 1741 - первой половине 1742 г. французского посланника в Петербурге Ж.-Ж. Тротти, маркиза де Ла Шетарди, – до его высылки в 1744 г.

Неудача первой миссии маркиза при русском дворе (до его отзыва летом 1742 г., вторая миссия: ноябрь 1743 г. - август 1744 г.) объяснялась как ошибками лично де Ла Шетарди, высокомерного и заносчивого по отношению к русским министрам, который вел себя как первый министр государства, так и политикой Франции в отношении исторических противников России – Швеции и Османской империи, в опасности которой Елизавету Петровну убедил выдающийся дипломат вице-канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин. Без сомнения, эти объяснения столь значимого для елизаветинской внешней политики первого полугодия ее правления верны, но неясен ответ на вопрос о том, как сама императрица, новичок в международных отношениях, понимала интересы России. Возможно, были иные причины изменения ее политики. Насколько ее симпатии вообще влияли на ее внешнюю политику? Как и когда Бестужев-Рюмин сумел убедить Елизавету принять его точку зрения и отказать в союзных отношениях не только французскому королю Людовику XV, к которому она испытывала давнюю симпатию, но и самому маркизу де Ла Шетарди, одному из ближайших друзей опальной цесаревны еще до ее восшествия на престол, которому он

*Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: anisimovm@list.ru*

способствовал, будучи в курсе намерений Елизаветы Петровны?

Что могут ответить на эти вопросы дипломатические документы того времени? Мы располагаем опубликованной перепиской английских посланников и послов при русском дворе (издана с переводами на русский язык)², перепиской французских представителей³ (издана без перевода, имеется также не столь полная подборка переводов на русский язык донесений маркиза де Ла Шетарди до конца апреля 1742 г.⁴), а также перепиской (с переводами) саксонского резидента в России за 1741 - март 1744 г.⁵

Архив внешней политики Российской империи МИД РФ содержит в себе всю дипломатическую переписку тех лет между Петербургом и российскими миссиями, а также между внешнеполитическим руководством страны и иностранными дипломатами в Петербурге.

Сопоставление столь обширных иностранных и русских источников представляется перспективным для выяснения причин и обстоятельств внешнеполитического поворота, произведенного императрицей Елизаветой Петровной в первые полгода ее царствования, от воцарения 25 декабря 1741 г. до конца лета 1742 г., когда французский посол маркиз де Ла Шетарди, признавая неудачу своей миссии, запросил отзыв от русского двора и тут же получил его из Версаля вместе с обвинениями в многочисленных ошибках.

Императрица Елизавета Петровна взошла на российский престол 25 ноября 1741 г. в результате дворцового переворота. В этот же день она собственноручно подписала рескрипты, отправляемые к российским представителям при иностранных дворах, извещая их, что «по всеобщему и единогласному наших верных подданных и государства нашего чинов, особливо же лейб-гвардии наших полков желанию и проше-

нию, отеческий наш по праву крови нам единым принадлежащий императорский престол все-милостивейше воспринять [...] за благопотребно рассудили»⁶.

Рескрипты контрастировал великий канцлер князь А.М. Черкасский, занимавший свой пост еще со времен Анны Леопольдовны. Не обладая самостоятельной ролью при Минихе и Остермане, но участвуя в подписании всех внешнеполитических соглашений, при Елизавете Петровне он обеспечил определенную преемственность внешней политики Российской империи. Вообще достаточно интересно, что именно специалисты по внешней политике стали главными соратниками новой императрицы – помимо Черкасского соавторами манифеста о восшествии Елизаветы и формы присяги подданных ей на верность стали рижанин Карл фон Бреверн, начавший службу России в должности секретаря посольства в Стокгольме, а затем переведенный в секретари Коллегии иностранных дел, и Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, опытный дипломат с почти 30-летним стажем. Кроме того, и Черкасский, и Бестужев-Рюмин при Анне Иоанновне были конференц-министрами, знакомыми со всеми государственными делами, а Бреверн работал секретарем Кабинета министров.

В первых рескриптах, сообщавших о воцарении Елизаветы, содержались и уверения о желании сохранить мир и дружбу с государствами стран пребывания дипломатов. Со всеми странами, где были русские миссии, Петербург до того состоял в дружественных или хотя бы мирных отношениях – с Пруссией, Австрией, Саксонией-Польшей (находились в личной унии – польским королем был саксонский курфюрст), Данией, Османской империей, Великобританией, Республикой Соединенных Провинций Нидерландов. Исключением была Франция, отношения с которой были натянутыми уже много лет, с тех пор, как в 1726 г. Россия подписала союзный договор с Австрией, старым врагом французов. Франция боролась против русских в Польше во время войны за Польское наследство 1733-1735 гг., инспирировала Русско-турецкую войну 1735-1739 гг., толкнула Швецию на войну с Россией в 1741 г.

Но французский посол в Петербурге маркиз де Ла Шетарди был единственным иностранным дипломатом, поддерживавшим дружбу с Елизаветой Петровной в то время, когда она была лишь цесаревной. Маркиз после воцарения стал самой влиятельной фигурой при дворе, английский посланник Э. Финч писал о том, что маркиз теперь является «на первых порах как бы главным советником, первым министром, во всех отношениях чем-то вроде герцога курляндского (Бирона. – М.А.) в последнее царствование»⁷.

Действительно, в начале декабря маркиз сообщил своему двору, что новая импера-

трица спрашивала его, полезен ли для России союз с Австрией, так как она решила руководствоваться прежде всего пользой своей страны (австрийский посланник маркиз А.О. Ботта д'Адорно запросил у нее помощи по союзному договору, но Елизавета Петровна отговорила идущей войной со Швецией и необходимостью обороны собственных владений), и французский посол, естественно, ответил отрицательно⁸.

В донесении от 9 января 1742 г. английский посланник Финч немного откорректировал свое прежнее сообщение: маркиз де Ла Шетарди «может, собственно говоря, считаться первым министром, он, однако, кажется, главным образом опирается на Лестока и видит в нем свою правую руку, так как не имеет да и не может иметь никакого понятия о способностях новых министров и сенаторов»⁹.

Действительно, лейб-медик императрицы Иоганн Герман (Иван Иванович) Лесток, много лет проживая в России и обладая общительным и веселым нравом, был вхож в лучшие дома Петербурга и знал их хозяев. Сын французского эмигранта-гугенота, Жан-Арман де Ль'Эсток родился и вырос в германском Ганновере, затем пытался устроить свою жизнь в Париже, но в итоге выбрал далекую Россию, куда он прибыл в качестве медика в 1713 г. и был представлен Петру I, который вскоре назначил его врачом к своей супруге Екатерине. За беспорядочное поведение в 1719 г. Лесток был выслан в Казань, откуда его вернула уже Екатерина I и отправила хирургом к своей дочери Елизавете. Верно служив цесаревне, Лесток стал самым доверенным ее лицом, полностью посвященным в планы Елизаветы совершить переворот, в котором и участвовал, сопровождая карету цесаревны в казармы гвардейцев, а затем и к Зимнему дворцу.

Французы маркиз де Ла Шетарди и Лесток и стали направлять государыню к сближению с Францией.

Впрочем, и сама новая императрица могла желать наладить мирные и дружеские отношения с Францией. Она просила де Ла Шетарди показать ей портрет французского короля, говорила, что он единственный из монархов, которому она симпатизировала с детства (они были почти ровесники, и Петр I с раннего детства Елизаветы задумывался о том, чтобы выдать свою дочь замуж за французского короля), сказала маркизу, что будет «очень рада, если король поверит большому и искреннему желанию с моей стороны вступить с ним в самый тесный союз»¹⁰. Сам де Ла Шетарди 5 (16) декабря 1741 г. писал о настроениях при русском дворе, следовавшем за настроением Елизаветы Петровны: «Францию здесь благословляют»¹¹. Елизавета Петровна отправила личное письмо французскому королю, заявляя о своем желании дружбы, и ответное письмо Людовика XV вызвало у нее большую ра-

дость, замеченную придворными, которым она объяснила, что таково впечатление от получения письма от человека, который ей очень дорог¹².

Вряд ли императрица к началу воцарения разбиралась во внешнеполитических интересах своей страны – до того она находилась в изоляции от государственного управления, а стремление дружить со всеми странами в целом характерно для дилетантов во внешней политике, оказавшихся в ней волею случая.

По всем этим возможным причинам Елизавета Петровна распорядилась отправить своим дипломатам указание поддерживать в странах их пребывания дружеские отношения с дипломатами не только союзных государств, но и Франции¹³. Российскому послу в Париже князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру 12 января 1742 г. был отправлен рескрипт, в котором сообщалось, что «мы весьма не отдалены [...] от ближайшего с Францией соединения»¹⁴.

При этом в этом же рескрипте Кантемиру было велено внимательно наблюдать за действиями Франции в отношении русско-шведской войны, что показывает, что в Петербурге все же не доверяли французам и опасались их поддержки шведов.

Война со Швецией на момент воцарения Елизаветы Петровны была главной внешнеполитической проблемой России. Шведский посланник в Петербурге Э.М. фон Нолькен еще до начала этой войны проводил тайные переговоры с цесаревной Елизаветой, обещая шведскую помощь при ее восшествии на престол в обмен на согласие уступить шведам потерянные по Ништадтскому миру 1721 г. территории. Елизавета тогда внимательно слушала Нолькена и помогавшего ему маркиза де Ла Шетарди, но дать письменное обещание территориальных уступок наотрез отказалась, мотивируя тем, что бумага может попасть в чужие руки и будет означать для нее если не смертный приговор, то заточение.

Как только Елизавета Петровна свергла правительство Анны Леопольдовны, маркиз де Ла Шетарди тут же сообщил об этом шведскому командующему генералу графу К.Э. Левенгаупту, который не только остановил шведское наступление, но и вернулся на зимние квартиры в Финляндии. Между русскими и шведами было установлено перемирие.

Петербургский двор поставил в известность посла в Париже Кантемира, что он готов к миру со шведами, но этот мир не должен быть в ущерб чести и безопасности страны. В рескрипте от 6 февраля 1742 г. Кантемир извещался об уже известном намерении новой государыни жить в мире со всеми европейскими державами. По этой причине договоры с другими странами, заключенные в прежние правления, должны были бы быть пересмотрены на предмет наличия ка-

ких-либо статей против других держав. Елизавета при восшествии на престол подтвердила действительность всех ранее подписанных соглашений, но не хотела, чтобы они определяли ее внешнюю политику, оставляя себе свободу выбора. Кантемиру сообщалось, что подписанный правительством Анны Леопольдовны 3 апреля 1741 г. союзный договор с Англией не подтвержден Елизаветой Петровной, которая взяла себе его текст, чтобы рассмотреть на предмет наличия каких-либо антифранцузских статей, так как императрица не желает, чтобы договор с Лондоном был в ущерб интересам Версаля.

Другой союзный договор России, подписанный еще при матери Елизаветы Петровны Екатерине I в 1726 г. с Австрийской монархией, по словам рескрипта, продолжает действовать, «обязательства продолжают», но никакой помощи союзной Вене, подвергшейся в 1740 г. нападению Франции, Пруссии и Баварии (война за Австрийское наследство), императрица до сих пор не оказала. Аналогично поступила ранее и Анна Леопольдовна, официально ссылаясь на готовящуюся, а затем уже начавшуюся войну России со Швецией, и Елизавета Петровна могла продолжить использовать этот предлог, но в рескрипте Кантемиру о нем не было сказано ни слова. Рескрипт, составленный от имени императрицы, гласил, что она не хочет распространять свои обязательства в ущерб безопасности своей страны. Тем не менее причин явно разрывать соглашения с двумя союзниками Елизавета Петровна не имеет¹⁵.

Само построение рескрипта свидетельствует о том, что Елизавета Петровна в начале 1742 г. тяготилась союзами с историческими врагами Франции.

В это время в Петербурге продолжалось реформирование внешнеполитических учреждений. В связи с ликвидацией Кабинета министров Елизавета Петровна велела российским дипломатам отправлять свои реляции не конференц-министрам, как ранее, а в экспедицию Коллегии иностранных дел, где ими должны были заниматься 61-летний канцлер князь Черкасский и назначенный 12 декабря 1741 г. вице-канцлером 48-летний А.П. Бестужев-Рюмин.

Свое место Бестужев-Рюмин получил по протекции маркиза Шетарди, своего будущего врага. В декабре 1741 г., донося в Версаль о том, что он уговаривает императрицу передать внешнеполитические дела Бестужеву-Рюмину и даже поручить их ему единолично, маркиз представлял государыне в качестве аргумента, что «иностранцы говорили мне, как это и было в самом деле, что они очень затрудняются иметь сношения с князем Черкасским, который не знает никакого иностранного языка, и сильно желают, чтобы царское величество соизволила избрать министра, к которому могли

бы обращаться». Елизавета Петровна ответила на это маркизу, что время для такого назначения еще не пришло, сам Шетарди может обращаться прямо к ней, «а другие иностранные министры пусть делают как знают!»¹⁶.

Судя по донесениям Шетарди, он и Бестужев-Рюмин до того не поддерживали между собой особых контактов, так как, по словам посла, Бестужев-Рюмин в конце декабря 1741 г. пытался демонстрировать ему свое почтение и доверительность, рассуждая о своем стремлении «работать над вечным соединением Франции и России»¹⁷. Объясняя в апреле 1742 г. французскому госсекретарю по иностранным делам Ж.-Ж. Амело де Шайу причины, по которым Бестужев-Рюмин стал руководить внешнеполитическими делами новой императрицы, де Ла Шетарди писал, что у Бестужева-Рюмина, находившегося в опале до переворота 25 ноября 1741 г., был большой дипломатический опыт, он умел хорошо излагать мысли на бумаге и с легкостью говорил на французском и немецком языках, поэтому Елизавета Петровна и обратила на него свое внимание¹⁸.

О своей роли в возвышении А. П. Бестужева-Рюмина говорил позднее саксонскому резиденту в Петербурге И.С. Петцольду и лейб-медик Лесток, многим обязанный Шетарди в финансовом плане и тогда уверявший всех в своей приверженности идее союза России и Франции¹⁹.

Одной из идей маркиза де Ла Шетарди, которую он предложил Елизавете Петровне, была мысль о том, что она должна заместить государственные должности в России русскими людьми, очистив их от иноземцев. Идея полностью соответствовала взглядам самой императрицы, и 25 января 1742 г. саксонец Петцольд доложил в Дрезден о своей беседе с французским послом: «Маркиз де Ла Шетарди высказался при мне с большой похвалой насчет того, что нынешняя государыня признала главный недостаток предыдущих царствований – именно предпочтение иностранцев своему народу»²⁰. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин казался им наиболее достойным из русских для занятия внешнеполитическими делами. Сам будущий канцлер не проявлял тогда собственной позиции, предпочитая наладить отношения с самыми влиятельными людьми при императрице – как и перед маркизом Шетарди, Бестужев-Рюмин заискивал и перед Лестоком, прося Петцольда, человека умного и сохранявшего доверительные отношения со всеми, повлиять на Лестока с целью установления хороших отношений с ним.

Бестужев-Рюмин давно уже считался англофилом, его возвышение вызвало в Лондоне надежды на продолжение сближения Лондона и Петербурга в условиях войны за Австрийское наследство, но сам Бестужев-Рюмин, в начале декабря 1741 г. общавшийся с английским пос-

ланником в Петербурге Э. Финчем, держался с ним неожиданно холодно, о чем Финч сожалел в донесении в Лондон 5 декабря 1741 г.: «я не мог не обратить внимания на холодный тон и сдержанность Бестужева при беседе со мною, и опасаясь, как бы ожидания короля (Георга II. – М.А.) по поводу его возвышения не оказались напрасными; как бы он не поплыл с сильным французским ветром, веющим теперь при русском дворе, где первый поклон отдается, конечно, государыне, но второй уже Шетарди»²¹. Финч предполагал, что, возможно, Бестужев-Рюмин будет более откровенен, получив в ближайшие дни назначение на должность вице-канцлера, слухи о чем рассматривались в Петербурге как очень вероятные.

Прошло несколько дней, и 13 декабря 1741 г. все иностранные дипломаты в Петербурге были уведомлены о том, что внешние дела России поручаются канцлеру Черкасскому и назначаемому вице-канцлером А.П. Бестужеву-Рюмину. Указ об этом был датирован 12 декабря, помимо заполнения вакансии вице-канцлера этим же повелением вся дипломатическая переписка поручалась тайному советнику Карлу Бреверну, а для помощи канцлеру и вице-канцлеру назначались еще два человека – сенатор адмирал граф Н.Ф. Головин (имевший ранее опыт дипломатических поручений) и обер-шталмейстер князь А. Б. Куракин (в молодости бывший на дипломатической службе в российских миссиях в Гааге и Париже), они должны были в случае чрезвычайной надобности призываться для совещания с Черкасским и Бестужевым-Рюминым²², составив, таким образом, своеобразное коллективное руководство внешней политикой страны.

Английский посланник Финч, так и не дождавшись изменения отношения к нему со стороны Бестужева-Рюмина, писал 5 января 1742 г.: «Знаю между прочим – и это для меня вне всякого сомнения – что государыня только вынуждена пользоваться Бестужевым, но считает его во всех отношениях чуть ли не за самого дрянного человека в России»²³. Финч, из-за болезни и лечебной диеты вынужденный пропускать званые ужины у русских министров, постоянно просил у своего короля отзыва из России и, впав в меланхолию, очень мрачно смотрел на будущее русско-английских отношений. Как ему стало известно, Елизавета Петровна узнала о том, что именно он предупредил Анну Леопольдовну о готовящемся заговоре дочери Петра Великого. Несмотря на то, что новая императрица посчитала, что Финч не заслуживает никакого наказания, так как защищал правящую династию, было понятно, что чем быстрее он уедет из России, тем лучше для английских позиций в Петербурге.

Сменивший Финча в конце марта 1742 г. энергичный баронет Сирил Вейч (Уич), наобо-

рот, был преисполнен оптимизма. Он был лично знаком с Бестужевым-Рюминым еще во время службы в Гамбурге и высоко его оценивал.

По его словам, кредит французского посла маркиза де Ла Шетарди падает с каждым днем, Елизавета Петровна разочарована во Франции, старая русская партия стоит за англичан по причине налаженных торговых отношений²⁴.

У сэра Сирила Вейча действительно были основания для того, чтобы уверенно смотреть на будущее русско-английских отношений – весна 1742 г. стала временем начала заката влияния маркиза де Ла Шетарди на российскую императрицу. 29 марта к послу в Париже Кантемиру впервые был отправлен рескрипт с предписанием узнавать о происках Франции против России и «не жалеть в том ни трудов, ни денег»²⁵. В этот же день рескрипт к посланнику в Берлине графу Чернышеву сообщал дипломату о том, что Петербург прекращает перемирие со Швецией, устроенное французским послом маркизом де Ла Шетарди. Самому маркизу выражалось недоверие, его руководство упрекалось во «внутреннем к нам недоброжелательстве», несмотря на притворную дружбу, и антироссийских интригах на всем протяжении границ России²⁶.

Рескрипты, отправленные в один день, явно были связаны друг с другом, Версалью было отказано в доверии из-за его прошведской позиции в деле примирения со Стокгольмом. Рескрипт Кантемиру вообще был одним из важнейших средств в деле борьбы с французским влиянием – теперь дипломат, убежденный противник сближения с Францией, мог открыто писать в Петербург о французских коварствах в отношении России, не опасаясь обвинений в проведении собственной политики, противоречащей политике императрицы.

8 апреля Кантемиру предписали предпринимать меры «в пользу королевы венгерской (Марии Терезии, наследницы огромных владений Габсбургов, права которой оспаривались французами и рядом германских государств, что и привело к войне за Австрийское наследство 1740-1748 гг. – М.А.) при утесненном ее состоянии», но не давать никаких поводов к озлоблению французов. С английским посланником во Франции Кантемиру было велено поступать дружески и по-прежнему наблюдать за французскими происками против России²⁷.

В апреле 1742 г. туманные подозрения и недовольство Францией обрели зримую форму – в руки русским дипломатам попало письмо французского госсекретаря по иностранным делам Амело к французскому послу в Турции графу де Кастеллану. Письмо были перехвачено австрийцами, и его в виде союзнической откровенности сообщил русскому двору австрийский посланник в Петербурге маркиз Ботта д'Адорно.

В письме руководитель французской дипломатии признавал, что в данный момент произошедший в Петербурге переворот выгоден его стране, так как правительство Анны Леопольдовны было предано врагу Франции – Австрии, а Елизавета Петровна расположена к Версалью. Тем не менее король Франции верен своим союзникам-шведам и будет действовать в их интересах. По мысли Амело, амбиции России, не желающей идти на уступки шведам, может умерить только страх перед направленным против нее союзом нескольких государств, поэтому графу де Кастеллану предписывалось поддерживать антироссийские и прошведские настроения в турецкой столице²⁸.

О перехваченном письме узнал французский посланник в Петербурге маркиз де Ла Шетарди. 12 (23) апреля 1742 г. он доносил об этом Амело: «Там вы говорите посланнику короля о перевороте, возведшем на престол принцессу Елизавету; смотрите на это событие с той точки зрения, что оно есть конец величия России; подкрепляете это мнение тем, что государыня не намерена поручать важнейших должностей в государстве иноземцам и что Россия, предоставленная сама себе, не преминет скоро впасть в прежнее свое ничтожество; наконец заключаете из этого, что Порта, для скорейшего приведения России в такое положение и чтобы избавиться от соседа, причинявшего ей много беспокойств, должна торопиться действовать силой и воспользоваться обстоятельствами, которая имеет она со Швецией, для соединения с нею и нападения на Россию». О содержании письма французскому дипломату сообщил его «поверенный», то есть агент влияния, имя которого маркиз Шетарди не называет, но которым был И.Г. Лесток, что видно из переписки Шетарди и из тех фактов, которые сообщает о Лестоке саксонский дипломат Петцольд. Этот «поверенный» сообщил, что «царица была чрезвычайно огорчена такими видами Франции в отношении нее». Лесток стал разубеждать Елизавету, что это фальшивка, изготовленная австрийцами, но та все же высказалась в отношении маркиза Шетарди, что она впредь не будет доверять тому, что он говорит²⁹.

Изменение отношения императрицы к маркизу де Ла Шетарди отметили и иностранные дипломаты в Петербурге – саксонец Петцольд считал, что Елизавета Петровна охладевает к французу из-за того, что тот везде рассказывает о себе как главном творце переворота, а высшее русское общество было крайне недовольно тем, что Шетарди способствовал заключению перемирия России и Швеции. Вместо того чтобы позволить русским войскам победоносно завершить войну, Шетарди затянул боевые действия.

Можно отметить, что маркиз де Ла Шетарди искренне стремился наладить отношения Франции с Россией и даже пытался изменить

политику Версаля. Сразу после прихода к власти Елизаветы Петровны он предлагал своему руководству сообщить французскому представителю в Стокгольме маркизу де Ланмари «не так слепо согласовываться со всеми действиями шведов»³⁰, так как это ставит самого Шетарди в неловкое положение в Петербурге, учитывая, что Ланмари «сильно настаивает» на передаче шведам Выборга и Кексгольма.

Шведскому командующему графу Левенгаупту маркиз де Ла Шетарди передал свои уверения в том, что переворот в корне поменял ситуацию в России – если войну со шведами прежнего правительства русские воспринимали как ненужную, то войну дочери Петра они теперь считают справедливым делом, сила русской армии значительно выросла, Елизавета Петровна наполнит казну конфискованными богатствами прежних руководителей правительства и примется за войну с удвоенной силой. Генералу Левенгаупту, командиру небольшого корпуса, следует подумать о своих перспективах в такой войне³¹.

Он отправил и собственные предложения своему коллеге в Стамбуле графу де Кастеллану, призывая его остановить антирусские интриги при Порте.

В ответ маркиз де Ла Шетарди получил выговор от госсекретаря Амело за то, что стал инициатором перемирия (лучше бы шведов разбили при их наступлении, тогда виновен был бы один шведский генерал граф Левенгаупт, а если бы ему удалось победить, то русские были бы рады помощи Версаля в прекращении войны на условиях территориальных уступок). Теперь же французский король должен поддерживать своих старых союзников-шведов в ущерб Елизавете Петровне, учитывая, что именно Версаль толкнул шведов на войну с русскими, обещая им поддержать их территориальные требования. Амело объяснял: «Это не потому, чтобы король хотел зла царице [...], но честь короля обязывает поддерживать шведов в предпринятой ими войне и доставить им, по крайней мере, часть обеспечений и преимуществ, на которые они надеялись». «Скажу вам более, что если война продолжится, то шведы не останутся без союзников, и тогда царица, может быть поздно, узнает, что она уже слишком презирала своих неприятелей»³². Маркизу де Ла Шетарди было предписано более не писать графу де Кастеллану, так как тот должен следовать «прежней системе» поддержки турок против русских. В интересах французского короля, по словам французского министра, быть посредником в заключении мира между Швецией и Россией, но Елизавета Петровна не должна рассчитывать на выгоду для нее мирных условий.

Русско-французское сближение не могло состояться в силу исторических причин – обязательства Людовика XV перед старыми врагами

русских – шведами и турками – были важнее учета российских интересов в отношениях с этими соседями.

Для российских властей главными были тоже свои национальные интересы. Маркиз де Ла Шетарди, получив распоряжения Амело, попросил Лестока устроить аудиенцию у Елизаветы Петровны. Лейб-медик встретил француза и провел его к императрице, которой де Ла Шетарди объяснил условия своих властей в деле примирения России и Швеции. Елизавета Петровна подтвердила маркизу свою позицию, что она не уступит шведам ни пяди своей земли, она просто не сможет этого сделать, если даже правившая до нее иностранная принцесса, Анна Леопольдовна, отказывалась это делать, то как же сможет на это согласиться дочь Петра? Маркиз де Ла Шетарди, получив вежливый отказ, заявил, что для порядка он должен сообщить те же сведения отвечающему за внешние дела вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину, попросил императрицу не подавать вида, что она уже знает о содержании письма французского госсекретаря, и выслушать сообщение вице-канцлера о разговоре с ним³³.

Маркиз де Ла Шетарди предпочел обратиться именно к вице-канцлеру, а не к канцлеру Черкасскому, так как, вероятно, считал, что Бестужев-Рюмин, во-первых, обязан ему своим назначением, кроме того, посол считал вице-канцлера продажным человеком: ранее предлагая госсекретарю Амело подкупить Бестужева-Рюмина, маркиз де Ла Шетарди писал, что «я далеко не решусь выдавать вам его за человека совестливого»³⁴. За несколько дней до визита к Бестужеву-Рюмину маркиз через посредника, своего соотечественника Луи д'Юссона д'Альона, несколько лет уже жившего в России, предложил вице-канцлеру годовой пенсией от французского короля в 15 тысяч ливров, с уверениями, что Людовик XV оказывает признательность Бестужеву-Рюмину за его верность к службе и готов и далее выражать ему благодарность. Бестужев-Рюмин скромничал в ответ, утверждая, что он не заслуживает этого, что он искренне служит интересам французского короля в той степени, в которой они согласуются с интересами его государыни. И только в конце своего отчета об этом эпизоде де Ла Шетарди заметил о Бестужеве-Рюмине и предложении получать французские деньги: «По правде сказать, он не выразил согласия на предложение, дело, однако же, может считаться порешенным – остальное только для вида»³⁵.

Уверенный теперь в вице-канцлере, де Ла Шетарди после отказа императрицы отправился к нему, надеясь, что он уговорит Елизавету Петровну передумать. Его ждало тяжелое разочарование – на Бестужева-Рюмина его аргументы, включая и завуалированную французскую угро-

зу выступить на стороне шведов как союзник, не произвели никакого впечатления. Вице-канцлер твердо стоял на условии мира со шведами только на основании Ништадтского трактата 1721 г., заявив, что «он заслуживал бы потерять голову на плахе, когда бы стал советовать уступить хотя бы один вершок земли»³⁶.

В начале марта 1742 г. Бестужев-Рюмин в разговоре с саксонским посланником Петцольдом сказал, что «он благодарит Бога за то, что государыня твердо стоит на том, чтобы ничего не уступать Швеции»³⁷. Этот разговор интересен тем, что показывает, что Елизавета Петровна самостоятельно выбрала позицию отказа от территориальных уступок шведам, с которой совпала позиция Бестужева-Рюмина.

Именно категорическое нежелание Елизаветы каких-либо уступок территорий, завоеванных ее отцом, и стало главной причиной падения французского влияния при русском дворе в первые полгода елизаветинского царствования. Главным поражением французского посла маркиза де Ла Шетарди стал отказ российского двора не только от французских условий мирного договора со Швецией, но и от французского посредничества в деле заключения этого мира.

История с французским посредничеством в деле примирения России и Швеции началась в первые дни после воцарения Елизаветы Петровны.

5 декабря 1741 г. в Париж к российскому посланнику князю А.Д. Кантемиру был отправлен рескрипт, в котором сообщалось, что «мы причину имеем уповать, что его королевское величество французское и тамошнее министерство не несклонны будут к примирению настоящей нашей с Швецией войны добрые официи и старательства свои употреблять»³⁸. Рескрипт дублировал личное письмо Елизаветы Петровны французскому королю Людовику XV, отправленное в этот же день.

Весной 1742 г. английский посланник в Петербурге С. Вейч писал, что маркиз де Ла Шетарди в начале царствования Елизаветы Петровны предложил Лестоку уговорить императрицу обратиться за французским посредничеством для окончания войны со Швецией. Лесток легко убедил Елизавету отправить подобную просьбу в Париж. Получив это указание, Лесток, не ставя в известность канцлера и других ответственных за внешнюю политику лиц, отправился к Карлу Бреверну, занимавшему дипломатической перепиской, и передал ему поручение отправить приглашение о посредничестве в Париж. По словам Вейча, Бреверн был достаточно умен, чтобы вместо слова «посредничество» написать «добрые официи», т. е. добрые услуги. Во французском языке термин «bons offices» аналогичен термину «посредничество», «*médiation*», но в русском языке такой схожести нет³⁹.

В новейшей статье М.А. Киндинова, посвященной именно этому письму, нет сведений об обстоятельствах его появления, изложенных Вейчем, донесения которого автором не использовались, что несколько обедняет работу⁴⁰.

Французский госсекретарь Амело в письме к де Ла Шетарди от 29 января 1742 г. сразу отметил факт того, что точного термина «посредничество» в предложении императрицы нет, а сказано лишь о «добрых услугах»⁴¹. Но, опираясь на донесения Шетарди, в Париже восприняли фразу как предложение посредничества. К тому времени Елизавету Петровну уже убедили во вреде от французского участия в деле примирения России с союзной французам Швецией. Маркиз де Ла Шетарди пытался уговорить императрицу передумать, но та отвечала только: «Переговорите с моими министрами»⁴².

Императрица официально ответила французам, что она не просила посредничества, а просила только помочь в примирении со шведами. Шведские условия мира, заключавшиеся в передаче им Выборга и Кексгольма с выплатой трех миллионов рублей за военные издержки, были категорически отвергнуты Елизаветой.

7 апреля 1742 г. в Петербург прибыл шведский посол Нолькен для переговоров о мире. Так как императорский двор вместе с иностранными посланниками в связи с коронацией Елизаветы Петровны отправился в Москву, Нолькен тоже проследовал в Первопрестольную. Шведы уже получили уверения французам, что их посол в России де Ла Шетарди будет посредником, и Нолькен имел инструкции следовать предложениям маркиза.

В начале мая 1742 г. маркиз де Ла Шетарди впервые стал высказывать в донесениях слова недовольства вице-канцлером Бестужевым-Рюминым, которого, последним из российских министров, он считал верным союзу с Францией. Теперь с этим было покончено, и Бестужев-Рюмин стал для него неблагодарным придворным, указывающим Елизавете, что предложения Франции по примирению России со Швецией предосудительны чести императрицы⁴³, после чего стал сообщать уже об открытом противодействии ему вице-канцлера и его старшего брата Михаила (спешно вызванного императрицей из Варшавы, куда он незадолго до переворота Елизаветы Петровны был назначен посланником), признавая, что ранее совершил ошибку, доверившись коварному Бестужеву-Рюмину, и о том, что Елизавета Петровна не может отличить правду от лжи⁴⁴. 18 мая в беседе с ней, несмотря на все попытки убедить императрицу принять французское посредничество, надрывно напоминая о своей роли в перевороте, о своем искреннем стремлении служить интересам русской государыни в деле прекращения боевых действий, уверения, что вице-канцлер Бесту-

жев-Рюмин подкуплен англичанами, а остальные министры завидуют ему, маркизу, из-за того, что он был рядом с Елизаветой Петровной до того, как они сами стали ей служить⁴⁵, Шетарди так и не получил желаемого, императрица, занятая другими придворными делами, не ответила ему. Через несколько дней де Ла Шетарди отметил, что императрица явно избегала его на маскараде, в то время как он пытался найти случай поговорить с ней, а затем он напрасно ждал ее в приемной.

Маркиз де Ла Шетарди к переговорам о мире со Швецией так и не был допущен, шведский посол Нолькен не пошел вразрез со своими инструкциями, предписывавшими ему следовать советам посредника, и переговоры не состоялись. 30 мая шведская делегация отправилась в обратный путь, боевые действия в Финляндии возобновились.

1 июня 1742 г. в донесении Амело расстроенный маркиз де Ла Шетарди попросил о своем отзыве от русского двора, предложив назначить вместо себя шевалье д'Альона, имевшего о России и русских лучшие знания, чем он. Сам маркиз признавал в следующем донесении, что русские офицеры, вместе с русской нацией в целом, крайне им недовольны из-за остановки им войны со шведами.

21 июня госсекретарь Амело сообщил де Ла Шетарди, что король Людовик XV утвердил его просьбу и отзывает маркиза от русского двора, причинами такого решения были названы: поддержка де Ла Шетарди вице-канцлера Бестужева-Рюмина, несмотря на предупреждения Амело о его несклонности к Франции и двуличии, утверждение влияния братьев Бестужевых-Рюминых на Елизавету Петровну, двукратное представление де Ла Шетарди Елизавете Петровне, что он не сможет быть французским посланником, пока Бестужевы-Рюмины имеют такую большую власть во внешнеполитических делах, и отсутствие попыток царицы удержать его после этих слов, провал идеи посредничества французского короля в деле примирения России и Швеции, о возможности чего, указывая на терминологию русских о «добрых услугах», Амело тоже предупреждал де Ла Шетарди. Маркизу следовало торопиться с отъездом и сдать дела своему преемнику шевалье д'Альону⁴⁶.

Руководство французской дипломатии однозначно воспринимало сложившуюся в Петербурге ситуацию как провал французской дипломатии и лично маркиза де Ла Шетарди. Интересно, что если в ответ на цитированное выше сообщение де Ла Шетарди о перехваченном письме Амело к Кастеллану, которое серьезно повлияло на изменение отношения Елизаветы Петровны к Франции, госсекретарь сообщил посланнику, что это фальшивка австрийцев, то после отзыва де Ла Шетарди Амело писал ново-

му посланнику д'Альону, что письмо настоящее, но дипломат, если русские сами заведут разговор о письме, должен списывать все на австрийцев, изготовивших уже много фальшивок⁴⁷. Амело, судя по всему, понимал, что в падении французского влияния виноват не только маркиз де Ла Шетарди, но и он сам.

Неудача с посредничеством Франции показала, что Елизавета Петровна будет проводить самостоятельную политику, а личное влияние де Ла Шетарди и Лестока на Елизавету Петровну не может распространяться на сферу ее внешней политики.

Менее чем через полгода после воцарения Елизаветы Петровны ее отношение к Франции изменилось от доверительного к подозрительному. Несет ли маркиз де Ла Шетарди ответственность за отказ Елизаветы Петровны от сближения с Францией, ответственность, возложенную на него госсекретарем Амело и самим королем? Сам посол признавал свою вину в том, что он был обманут А.П. Бестужевым-Рюминым, которого он поддерживал при назначении в руководители российской внешней политики и который похоронил все его надежды на следование русского двора в фарватере Людовика XV. Были ли ошибки дипломата определяющими для падения французского влияния при русском дворе?

Основной причиной этого стало нежелание французских властей жертвовать ради сближения с Россией своими прежними союзами и влиянием в соседних с Россией странах. Госсекретарь Амело прямо писал Шетарди, что Людовик XV готов пойти на союз с Россией и первым шагом для этого он считает готовность Елизаветы Петровны допустить его представителей для заключения мира со Швецией⁴⁸ (ранее Амело ставил в известность посла о том, что условием мира может быть только уступка шведам какой-либо российской территории). Парадоксально, но приход к власти в России императрицы, ориентированной на дружбу с Францией, оказался не к стати Версалю.

Переворот в Петербурге 25 ноября 1741 г. не мог поменять французскую внешнюю политику, складывавшуюся веками: Версаль давно был союзником исторических противников России – Швеции и Османской империи, что позволяло ему контролировать Балтику и Восточное Средиземноморье. Французское правительство недвусмысленно дало это понять новым властям в Петербурге, не особо считаясь с их чувствами, недооценивая силу России и считая, что угроза оказать военную поддержку шведам заставит русских уступить на мирных переговорах. Но ни сама Елизавета Петровна, ни российский истеблишмент, от позиции которого зависело ее будущее в качестве хозяйки русского трона, не могли поступиться завоеваниями Петра Ве-

ликого, культ которого был одним из главных стержней политического устройства страны.

Французский госсекретарь Амело, узнав об отказе Елизаветы Петровны идти на мир со Швецией на условиях уступок, заметил маркизу де Ла Шетарди, что императрица и ее министры возвращаются к «принципам последних царствований под предлогом, что мы хотели потребовать от царицы условий, несовместимых с ее честью и ее безопасностью»⁴⁹. Представляется, что в словах Елизаветы Петровны маркизу де Ла Шетарди о том, что русские не поймут ее, если она уступит шведам часть ранее завоеванной Петром I территории в Прибалтике, нет лукавства и желания завуалировать свой прямой отказ – это действительно очень значимый для нее аргумент, учитывая шаткость ее трона в первое полугодие ее власти.

Кроме ситуации с русско-шведской войной, исторически русская политика была связана с противниками французов – прежде всего англичанами. Прибывший в русскую столицу 27 марта 1742 г. новый английский посланник Вейч 3 апреля сообщал в Лондон о том, как любезно его встретили все знатные высокопоставленные лица Петербурга, и в этом же донесении уверенно сообщил: «Так как никакая торговля не приносит России столько выгод, как торговля с Англией, старая русская партия естественно расположена к нам и будет очень рада установлению прочной дружбы между правительствами великобританским и русским»⁵⁰. Старый канцлер А.М. Черкасский говорил Вейчу, комментируя отданное ему, вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину и сенатору адмиралу Голицыну распоряжение императрицы рассмотреть подписанный при Анне Леопольдовне русско-английский договор на предмет его соответствия российским интересам: «Вы хорошо знаете, что я не француз, не французы же и прочие министры, которым вместе со мною поручен пересмотр вашего договора, следовательно, дело в хороших руках»⁵¹. Черкасского, находившегося при дворе сменявших друг друга с петровских времен монархов и фаворитов, публицист и историк второй половины XVIII в. князь М.М. Щербатов описывал так: «сей человек молчаливый, тихий, коего разум никогда ни в великих чинах не блистал, повсюду являл осторожность»⁵². И именно этот молчаливый и осторожный человек в условиях придворной борьбы откровенно объявил иностранному дипломату свою внешнеполитическую позицию, которая не была позицией его императрицы. Для этого канцлер должен был быть уверен в том, что у него много единомышленников.

28 июня 1742 г. Вейч записал в донесении в Лондон примечательные слова: «В добром расположении русских министров и русской нации я вполне уверен. Не смею так же положительно относиться к намерениям ее царского величе-

ства, но я неоднократно видел, как она, даже в делах меньшей важности, милостиво снисходит к советам своих министров и прислушивается к мнению своего народа, хотя бы противным ее личным чувствам»⁵³. 30 июля того же года ему фактически вторит в донесении в Версаль французский посланник шевалье д'Альон, судя по всему действительно понимавший Россию лучше маркиза де Ла Шетарди: «Царица бесспорно любит Францию по привязанности и признательности; но у государыни, которая занимается больше своими удовольствиями, чем своими делами, эти преимущества сильно уравниваются привычкой нации быть соединенной с нашими естественными врагами, частными связями, которые наиболее доверенные люди имеют именно с англичанами и личными настроениями гг. Бестужевых»⁵⁴.

Будучи человеком, пришедшем к власти в результате переворота, Елизавета Петровна прекрасно отдавала себе отчет, что, будучи самодержавной государыней, она имеет очень сильное ограничение своей власти – это русское высшее общество, прежде всего люди, занимавшие высокие государственные посты. Пренебрежение их мнением могло привести русскую элиту в заговор против нее, способный закончиться ее свержением, впрочем, достаточно было простой нелояльности и ожидания того, что не оправдавшую надежд императрицу свергнут другие люди, как это было во времена правительства регента Анны Леопольдовны. Так, к слову, произошло и с ее наследником и племянником Петром III, относившимся ко всем известиям о том, что против него зреет заговор и ему вообще следует больше внимания уделять отношению к нему народа и вельмож, с удивительным пренебрежением.

Можно утверждать, что в деле отклонения Елизаветы Петровны от намерений сближения с Францией не была определяющей роль ее будущего канцлера, графа А.П. Бестужева-Рюмина – он был тогда лишь одним из многих русских сановников, противившихся новому направлению внешней политики. Другие, как канцлер Черкасский, позволяли себе куда как более определенные высказывания в беседах с иностранными дипломатами о необходимости вернуться на прежние рельсы в международных делах. И английские, и французские, и саксонские дипломаты одинаково утверждали, что русское высшее общество не приемлет союза с Францией, врагом которой Россия была уже много лет. К этому прибавилась и позиция русских дипломатов за границей, среди которых в это время не оказалось ни одного сторонника сближения с Францией. Английский госсекретарь лорд Картерет, ссылаясь на надежные сведения, 22 октября 1742 г. писал в письме своему дипломату в Петербурге, что французы «опасаются,

что представители России в иностранных государствах не расположены к Франции и неодобрительно отзываются об ее проделках», и хотят через Лестока уговорить императрицу послать дипломатам указы относиться к Версалию «с большим благорасположением»⁵⁵. Императрица должна была учесть мнение этих людей, которых поддерживали как новые, назначенные ею руководители дипломатии, такие как А.П. Бестужев-Рюмин и К. фон Бреверн, так и старые, как канцлер князь А.М. Черкасский. Позиция дипломатов, имевших прочную опору в русском высшем обществе, и стала определяющей для внешнеполитического поворота от идеи сближения с Францией к продолжению противостояния ей, который ради сохранения трона была вынуждена сделать императрица Елизавета Петровна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М., 1892; *Вандаль А.* Императрица Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 1911; *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. М., 2000; *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700-1775. М., 1995, *Черкасов П.П.* Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010.
- ² Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 марта 1741 г. по 16 июля 1742 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т.91. СПб., 1894; Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с июля 1742 г. // СИРИО. Т.99. СПб., 1897.
- ³ Донесения французского посла при русском дворе маркиза де Ла Шетарди и распоряжения французского правительства с 1742 по апрель 1743 г. // СИРИО. Т.100. СПб., 1897.
- ⁴ Маркиз де Ла Шетарди в России 1740-1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. Издал с примечаниями и дополнениями П. Пекарский. СПб., 1862.
- ⁵ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщено из саксонского государственного архива Э. Германом // СИРИО. Т.6. СПб., 1871.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.74, Сношения с Пруссией. Оп.1. 1741 г. Д.3. Л.1.
- ⁷ Донесения и другие бумаги английских послов... // СИРИО. Т.91. СПб., 1894. С.357.
- ⁸ Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.8-9.
- ⁹ Донесения и другие бумаги английских послов... // СИРИО. Т.91. С.414.
- ¹⁰ Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.17 (перевод цит. по: *Вандаль А.* Императрица Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 1911. С.152).
- ¹¹ Там же. С.12.
- ¹² Там же. С.83.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 74, Сношения России с Пруссией. Оп.1. 1741 г. Д.4. Л.4.
- ¹⁴ Там же. Ф.93, Сношения России с Францией. Оп.1. 1742 г. Д.2. Л.11об.
- ¹⁵ Там же. Л.30об.-32.
- ¹⁶ Маркиз де Ла Шетарди в России... С.451, 454; Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.11.
- ¹⁷ Маркиз де Ла Шетарди в России... С.473; Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.27-28.
- ¹⁸ Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.140.
- ¹⁹ Дипломатические документы, относящиеся к истории России // СИРИО. Т.6. С.428, 430, 433.
- ²⁰ Там же. С.400.
- ²¹ Донесения и другие бумаги английских послов... // СИРИО. Т.91. С.354.
- ²² Там же. С.367-368.
- ²³ Там же. С.408.
- ²⁴ Там же. С.450-451.
- ²⁵ АВПРИ. Ф.93, Сношения России с Францией. Оп.1. 1742 г. Д.2. Л.58.
- ²⁶ Там же. Ф.74, Сношения России с Пруссией. Оп.1. 1742 г. Д.2. Л.26-27.
- ²⁷ Там же. Ф.93, Сношения России с Францией. Оп.1. 1742 г. Д.2. Л.66об.-67.
- ²⁸ Там же. Ф.74, Сношения России с Пруссией. Оп.1. 1742 г. Д.2. Л.53.; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн.ХI. М., 1993. С.165.
- ²⁹ Маркиз де Ла Шетарди... С.510; Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.159-160.
- ³⁰ Маркиз де Ла Шетарди... С.478.
- ³¹ Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.7.
- ³² Маркиз де Ла Шетарди... С.487.
- ³³ Там же. С.515-517; Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.67-69.
- ³⁴ Маркиз де Ла Шетарди... С.475.
- ³⁵ Там же. С.513-514; Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.66.
- ³⁶ Маркиз де Ла Шетарди... С.517.
- ³⁷ Дипломатические документы, относящиеся к истории России... // СИРИО. Т.6. С.418.
- ³⁸ АВПРИ. Ф.93, Сношения России с Францией. Оп.1. 1741 г. Д.2. Л.3.
- ³⁹ В конце мая 1742 г. в беседе с канцлером Черкасским маркиз де Ла Шетарди прямо спросил, какую разницу столь просвещенный министр, как Черкасский, видит между словами «медиасьон» и «бон оффис», и канцлер ответил, что, следуя русским законам, решение «медиатора» окончательно и не может быть никем изменено, потому посредничество во внешних делах изначально не предлагалось (Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.228).
- ⁴⁰ *Киндинов М.А.* «Добрые и полезные свои официи употреблять склонны быть изволите...»: история одного письма // Научный диалог. 2016. №8 (56). С.120-133.
- ⁴¹ Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.63.
- ⁴² Цит. по: *Вандаль А.* Императрица Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 1911. С.158.
- ⁴³ Донесения французского посла... // СИРИО. Т.100. С.165.
- ⁴⁴ Там же. С.177-179.
- ⁴⁵ Там же. С.204-211.
- ⁴⁶ Там же. С.246-248.

⁴⁷ Там же. С.265-266.

⁴⁸ Там же. С.109-110.

⁴⁹ Там же. С.124.

⁵⁰ Донесения и другие бумаги английских послов... // СИРИО. Т.91. С.451.

⁵¹ Там же. С.506-507.

⁵² Щербатов М.М. О повреждении нравов в России.

Лондон, 1858. С.45.

⁵³ Донесения и другие бумаги английских послов // СИРИО. Т.91. С.510.

⁵⁴ Донесения французского посла...//СИРИО. Т.100. С.300.

⁵⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с июля 1742 г. // СИРИО. Т.99. СПб., 1897. С.113.

ELIZABETH PETROVNA'S REFUSAL OF RAPPROCHEMENT WITH FRANCE IN 1741-1742

© 2017 M.Yu. Anisimov

Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to formation of foreign policy of the empress Elizabeth Petrovna during the first months of her rule. At this period, the empress returned to the foreign policy course of the previous reigns and refused the idea of rapprochement with France. The defining cause of such turn was the position of the Russian establishment and, first of all, the opinions of diplomats.

Keywords: Russian diplomacy, Elizabeth Petrovna, A.P. Bestuzhev-Ryumin, Russian-French relations.